

разве что дополненным созданием полезных учреждений, то теперь оно связывалось с идеей душевного совершенства, это убеждение исподволь начиная уже с 1760 г вызревало и в херасковском кружке

Мотив зеркала, связан с композицией столь пространных од, как «Изображение Фелицы» (1789), «На взятие Измаила» (1790–1791) или «Водопад» (1791–1794) Между тем следующий этап творчества Державина составляют два стихотворения, которые, в сущности, следует признать дальнейшей экспликацией мотива зеркала «Прогулка в Сарском Селе» (1791) и «Ласточка» (1792–1794) И в том и в другом стихотворении поэт отказался от членения на строфы и тем самым от стройной композиции, которая тем не менее существует Обратим внимание на второе стихотворение В нем неожиданно находим непопулярный в то время трехиктовый амфибрахий²³ Это, как кажется, лучшее из стихотворений о бессмертии у Державина, а может быть, и во всей русской литературе

Роль метафор в композиции стихотворения не была еще должным образом прослежена, между тем сделать это нетрудно Первоначально, в 1792 г, стихотворение состояло из двух равных частей, по 22 стиха в каждой, и из концовки (четыре стиха) В первых двенадцати стихах первой части поэт обращается к ласточке и описывает ее, используя уменьшительно-ласкательные наименования и звукоподражания В стихах 13–16 вновь встречаем мотив зеркала

Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь водой,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей

Ласточка, несомненно, и метафора поэзии (а не только олицетворение бессмертной души), видит при свете вечерней зари весь мир в зеркале вод (ст 21 «Но видишь там всю ты вселенну») Эта «вся вселенна» в ее многообразных изменениях в течение года подробно описывается во второй части (ст 23–44), за которой следует собственно концовка (ст 45–48)

Душа моя! гостя ты мира!
Не ты ли перната сия?
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я

²³ Капнист использовал для своего переложения четырехстопный ямб (I, 423–427)